

Оглавление

Глава первая. Выходной для бабы Яги	5
Глава вторая. Ворон Воронович	17
Глава третья. Вольные волкобои	29
Глава четвёртая. Всё дело в дедушке	42
Глава пятая. Незванный гость хуже навки	54
Глава шестая. Дом для коловерши.....	67
Глава седьмая. Богатырь-коловерша	79
Глава восьмая. Худой мир лучше доброй ссоры	91
Глава девятая. За шаг до войны	103
Глава десятая. Горе-поле.....	115
Глава одиннадцатая. Ледяной шёпот	127
Глава двенадцатая. Раз проблема, два проблема... ..	139
Глава тринадцатая. Не то желание	152
Глава четырнадцатая. Никто не любит сюрпризов	165
Глава пятнадцатая. Желаящих судьба ведёт	177
Глава шестнадцатая. Ох уж этот Индрик-зверь!.....	190
Глава семнадцатая. Река судьбы, росток надежды	203
Глава восемнадцатая. Тёмный двойник	216
Глава девятнадцатая. Волчегодника вкус	228
Глава двадцатая. Охота на воспоминания.....	240
Глава двадцать первая. В гостях у шамана.....	252
Глава двадцать вторая. Семечко надежды.....	264
Глава двадцать третья. Холод смерти, сердца лёд.....	276
Глава двадцать четвертая. Змейка, зеркало и гусли.....	288
Глава двадцать пятая. Наш дружественный горыныч	301
Глава двадцать шестая. Средство от наваждений	313
Глава двадцать седьмая. О дружбе и предательстве.....	325
Глава двадцать восьмая. Просто везение.....	336
Глава двадцать девятая. Битва за Светелград	348
Глава тридцатая. Всё ради любви	360

Глава первая

Выходной для бабы Яги

Избушка на курьих ножках была окружена высоким частоколом, увенчанным черепами, в основном звериными, но Тайка не поручилась бы, что среди них нет человеческих. Эх, надо же было так влипнуть! Она-то думала, что Алконост доставит её до столицы Дивьего царства, прямо в объятия бабушки и дедушки, но вредная птица высадила пассажирку на самой границе миров и, похотав, улетела прочь.

Солнце уже скрылось за деревьями, и небо окрасилось в закатные цвета. Позади простирался непролазный лес, и впереди тоже. Что ж, похоже, тут без вариантов: придётся к бабе Яге на постой проситься. (Тайка не сомневалась, что избушка принадлежит именно Яге — ну а кому же ещё?) Вот только как туда войти? Ворота-то закрыты.

Она подошла ближе, и тут глаза черепов полыхнули синим светом — таким же, бывало, горели глаза Марьянки-выгтянки.

— Пугают, — сказала Тайка сама себе, сжав кулаки. — Испытывают, наверное.

Ох, как непривычно-то одной, но что тут поделаешь? Все друзья остались в Дивнозёрье, и сейчас Тайка могла рассчитывать только на себя.

Она подобрала с земли скатку со спальным мешком, решительно шагнула к воротам, и те — бах! — с треском распахнулись прямо перед ней.

Избушка переминалась с ноги на ногу, поскрипывая, словно чего-то ждала.

Тайка стукнула себя по лбу:

— Ну конечно! Избушка-избушка, повернись к лесу задом, а ко мне — передом!

Кажется, так принято говорить в сказках?

Присказка (а может, заклятие) сработала! Домик, пританцовывая, повернулся, и Тайка ахнула: на крыльчке, подперев щёку, сидела седовласая хозяйка в красной юбке и душегрейке, отороченной белым мехом, — нарядная, напомаженная, будто на праздник собралась. Баба Яга улыбнулась гостье широко, но как-то хищно. Хотя, может, так казалось из-за кривых острых клыков, похожих на волчьи.

— Ну наконец-то! — хлопнула в ладоши старуха. — Я уж и не чаяла, что догадаешься. Сказывай теперь: кто такова, как звать? Каким ветром ты занесло? Дело пытаешь али от дела лытаешь? А проще говоря, чё припёрлася?

— Меня зовут Тайка, я из Дивнозёрья. Хотела попасть в столицу Дивьего края, но... как видите, что-то пошло не так...

— Ишь ты! Сталбыть, ветром Дивнозёрья и занесло. Давненько такого не случалось. А в Светелград зачем намылилася? С Матрёной-гуленой вертихвостничать?

— С какой еще Матрёной? — Тайка захлопала глазами.

— Да энто нашу алконостиху так кличут. — Яга облизнула сморщенные губы. — Ух, сделаю я однажды из неё суп!

— Спасибо, хоть не из меня... — Тайка пробормотала это себе под нос, но Яга услышала — зыркнула на неё чёрными как угли глазами и расхохоталась:

— Не кажи гоп! Может, и ты сожру. Я покамест не определилася. А ну, подойди ближе, коли не боишься.

Нет, ну точно испытывает! Тайка сделала шаг, другой — и так, не дрогнув, дошла до нижней ступени крылечка.

— Фу-у-у! — Яга зажала крючковатый нос. — Человечьим духом пахнет! Стой там, ближе не лезь. Сперва сказывай — тока честно, без утайки: чё дома не сиделось? На кой те, дурёхе малолетней, в Светелград?

— К дедушке с бабушкой. Да вы, наверное, про них слышали: это царь Радосвет и царица Таисья.

Бабка в сомнении поскребла подбородок:

— Чё-та не похожа ты на царевну. Замарашка какая-то...

— И вовсе я не замарашка! — От обиды Тайка аж ногой топнула. — Ну, спешила, умыться не успела. Обязательно надо придраться, да?!

— Ты на бабушку не вопи! — Яга топнула в ответ костяной ногой. Получилось не в пример громче.

— Ой, простите... — смутилась Тайка. — Я вообще никого не хотела беспокоить. Наверное, мне лучше уйти. Вы только подскажите: в какой стороне тут дорога?

— А никакой дороги-то и нет. Сплошной лес кругом. Волки там бегают, зубами щёлкают. — Для на-

глядности бабка и сама щёлкнула зубами. — Огляднись не успеешь, останутся от тебя одни косточки. А коли хочешь, чтобы я тебе помогла, сперва сама мне подсоби.

— Смотря что делать надо.

С этой Ягой стоит держать ушки на макушке. Мало ли чего попросит? Но просьба оказалась незамысловатая:

— Меня тут давеча на шабаш позвали, а избушку оставить не на кого. Ты уж будь добра, последи за хозяйством, покамест я не вернусь. Можешь поесть-попить, в баньке попариться, коли хочешь. Главное — не спи.

— Ну, это, вроде, не сложно, — улыбнулась Тайка. — А почему спать-то нельзя, бабуль?

Яга понизила голос до шёпота:

— Избушка обидится. Вытряхнет тебя и сбежит. Ищи её потом по всему лесу.

— Так вы что, сами никогда глаз не смыкаете?

— Чё? А, не. Есть у меня котик Васисуалий, верный страж. Да тока ему тоже погулять охота. С собой его возьму. Ух, покутим! Вернёмся, отоспимся — тады и поговорим о деле. Но знай, Тайка-царевна: коли упустишь избушку — пеняй на себя. Съем и черепком частокол украсу! Поняла?

— Да я не упусти, не бойтесь. А выходные всем нужны.

Ей даже жаль стало бабу Ягу. Это ж сколько лет они с Васисуалием вместе не отдыхали? Тут любой от усталости зубами щёлкать начнет.

— Ну, бывай, Тайка-царевна! — Старуха поднялась в полный рост. Ух и высоченная — рост как у девицы-поленицы, а пока сидела, сморщенной ба-

булькой казалась. — Носом не клюй, ворон не считай, а не то проворонишь свою удачу. Кыс-кыс-кыс! — А вот это уже, конечно, не Тайке предназначалось.

Из-под крыльца выпластался чёрный котяра — толстый, громадный, даже больше Пушка. Одарив гостью презрительным взглядом, он буркнул: «Шантрапа какая-то», — и запрыгнул хозяйке на руки. Яга свистнула — на зов подлетела ступа, а в руку сама прыгнула метла из ивовых прутьев.

Миг — и они взмыли в небо, обдав Тайку земляной пылью. Ступа быстро набрала высоту и затерялась среди закатных облаков, а избушка призывно скрипнула дверью: мол, заходи.

Тайка решила воспользоваться приглашением. Внутри её встретил полнейший мрак и беспорядок: свечи в костяных плошках еле-еле горели из-за нагара, паутина свисала со стен клочьями, под ногами валялись соломенный сор и мышинный помёт, на столе высились горы невымытой глиняной посуды, противни у печи аж блестели от толстого слоя жира, в воздухе витал запах прогорклого масла.

М-да... кто бы мог подумать, что баба Яга окажется такой неряхой? Тайка схватила стоявший за дверью веник:

— Настало время генеральной уборки!

Избушка встревоженно скрипнула, но возражать не стала. Вряд ли она умела разговаривать, но Тайка рассудила так: если у тебя имеются куриные ноги и сила растрясти тут всё до основания, то выразить недовольство ты сумеешь не только смущённым скрипом.

На всякий случай в процессе уборки она рассказывала вслух, что собирается сделать:

— Смотри, сперва включим поярче свет. Да не бойся ты — это всего лишь фонарик. Он на батарейках. Ярko светит, правда? Сейчас воды принесу, посуду перемою. Как вы тут это делаете? Песочком, по старинке. М-м-м, я вроде прихватила мыло. Потом вытру пыль и уберу паутину. Надеюсь, эта табуретка подо мной не рухнет? Так, я бабкины колдовские штуки просто переложу аккуратненько. Не нервничай, ничего не сломаю. У меня у самой бабушка ведьмой была, да и я вроде тоже... Апчи! Слушай, вы что, эту перину вообще никогда не взбивали? А подушки? Хотя да, кого я спрашиваю...

Так мало-помалу жилище бабы Яги преображалось. Напоследок Тайка протёрла зеркало в тяжёлой деревянной оправе, вытерла со лба пот и села на лавку, обмахиваясь рушником.

— Уф, кажись, всё. Теперь можно и чайку.

Огонь в печи радостно загудел, будто услышал её слова. А замызганная салфетка, которую Тайка постирала и повесила сушиться, вдруг сама собой перелетела на стол и развернулась, явив взгляду серебряное блюдо с пирогами (увы, немного подмоченными).

— Надеюсь, бабушка Яга не будет ругаться, что я тут порядок навела. — Тайка заварила себе травяной чай с медуницей. — Хотя она ведь сама сказала: «Присмотри за хозяйством». Вот я и присмотрела. У хороших хозяев порядок должен быть.

Ей показалось, что пробежавшая мимо мышь, подмигнув, кивнула.

— Ну вот, даже мыши согласны. — Девушка надкусила пирожок. — Кстати, где тут у вас баня? А то я и правда какая-то чумазая...

В деревне считалось, что париться на ночь — плохая примета. Мол, банник сердчать будет, может кипятком ошпарить али напустить дурного газу так, что угоришь. Однако если у Яги и жил какой-то банник, то Тайка его не встретила. Но на всякий случай оставила у порога баньки пирожок и мисочку с молоком и представилась: мол, гостья, пришла издалека, не сердчай, дедушко, дозвошь помыться.

По возвращении из бани недоеденный пирожок куда-то пропал (мыши спёрли, что ли?), зато салфетка-самобранка предложила Тайке новое угощение.

— Ого, да это ж целый комплексный обед! Ну то есть ужин.

Она пристроила кроссовки и одежду на печку сушиться и, оставшись в одной футболке, села за стол. Чего тут только не было: и свежесыпеченный хлеб, и чечевичная похлёбка со свиными рёбрышками, и всякие соленья. А на сладкое — печёные яблоки, брусничное варенье и вдобавок большущий леденец! Настоящий петушок на палочке!

И всё бы ничего, но после баньки и сытного ужина Тайке так сильно захотелось спать, что впору было вспомнить любимую поговорку Пушкина про закон подлости.

Она и за уши себя щипала, и щёки растирала, и губы кусать пробовала. Потом затинула песню — ну а вдруг поможет?

— Пусть прячут тучи бледную луну, пусть заплутать легко на тропках лисьих, но старый вяз откроет вход в страну, где свет играет на хрустальных листьях...

Казалось, волшебная страна совсем рядом, манит, словно огонек в ночи. К добру приведет или к худу — пока неведомо. Ну так и Тайка пока что ни там ни здесь — застряла на границе между Явью и Дивью.

— Судьба затянет нить — не расплести. Но ты не сомневайся ни минуты: не каждому дано туда дойти, там ждут лишь тех, кто правда верит в чудо!

На подоконник села ворона, прислушалась и начала постукивать клювом по раме — в такт песне. И до того усыпляющим был этот стук, что Тайка сама не заметила, как начала клевать носом. Ох и правду говорят: «Скольких врагов ни победи, а сон всё равно сильнее сильного...»

Девушка открыла глаза, только когда почувствовала, что кто-то трясёт её и бьёт крыльями по лицу:

— Тая! Эй, соня-засоня, очнись! Ну же!

— Пушок?.. — пробормотала она, зевая. — Тебя здесь нет, ты мне снишься...

— Я не снюсь, я в спальнике спрятался. А вот ты сейчас свою удачу проспичь!

Тут уж пришлось продрать глаза:

— Так вот кто спёр мой пирожок!

— А тебе что, жалко, что ли? — надулся рыжий коловерша. — Я тут, понимаешь, спасаю ситуацию! Несчастный. Полуголодный. Но всё равно на страже!

Насчёт своих страданий Пушок преувеличивал: всё, что оставалось на салфетке-самобранке, он уже успел подесть и даже мёд с усов не счистил.

— Я так рада тебя видеть, Пушочек! — выдохнула Тайка.

И это была чистая правда. Она-то думала, что очутилась в чужом краю совсем одна, но верный коловерша отправился следом. Наверняка ему тоже было очень страшно...

— Вот так бы сразу! — повеселел Пушок. — Ты не думай, я бабы Яги не испугался. Это была стратегия! Ты ж меня знаешь.

Тайка не стала спорить, просто обняла его.

— Теперь мы точно со всем справимся. Я уверена!

— А то ж!

Коловерша подцепил когтем солёный огурчик и отправил в пасть. Спасибо, что не в мёд макнул, гурман мохнатый.

Они проговорили всю ночь: вспоминали свои приключения, общих друзей. Пушок опять сватал Тайке Яромира, но та была такой сонной и усталой, что даже почти не сопротивлялась и не грозилась оборвать хвост неумелому своднику.

А ворона всё расхаживала по подоконнику, мерно постукивая в стекло. Сколько ни гоняли её, опять возвращалась, подлая. Под утро ещё и дождь начал накрапывать: шуршал листьями, обволакивал, шептал-убаюкивал...

Ну как тут противиться?

* * *

— Чё не встречаешь, Тайка-царевна? Али заснула?

Скрипучий голос Яги раздался словно гром среди ясного неба, и Тайка аж подскочила, ударившись о лавку копчиком.

— Не сплю, бабушка!